

Д. Н. Замятин
**ПОСТНОМАДИЗМ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ
 АНТРОПОЛОГИИ ПУТЕШЕСТВИЙ***

УДК 39:82-922

ББК 63.500

В статье исследуются процессы формирования пространственных антропологий путешествий на основе онтологических моделей воображения. Рассматривается понятие постномадизма и его интерпретации применительно к онтологической проблематике путешествий. Анализируются экзистенциальные качества пространства путешествия в контексте особенностей передвижения и кочевания. Выявляется специфика понимания концепта путешествия в рамках пространственной антропологии и метагеографии (постгеографии). Путешествие онтологически трансформирует понятия пространства и движения, способствуя формированию гибридных, смешанных, синтетических концептов, описывающих и характеризующих динамические геоимагинальные картины мира. Путешествие, осознаваемое сквозь призму постномадизма, может рассматриваться как экзистенциальный опыт сопостранственности. Постномадизм — это стремление вообразить и осмыслить путешествие как тотальную экзистенцию пространственности, понятой онтологически как сопостранственность. Постномадизм оказывается онтологическим «симптомом» и феноменологической «лакмусовой бумажкой» для идентификации актуального проблемного поля исследования пространственности на стыке двух ключевых групп дискурсивных дисциплин — постгеографий (или, в более привычном ракурсе, метагеографий) и (новых) пространственных антропологий. Пространственные антропологии, в нашем понимании, направлены на пионерное изучение «вертикальных» аспектов антропности, непосредственно связанной с переживанием и осмыслением пространственности. Постгеографии имеют дело, как правило, с образно-географическим структурированием новых пространственных реальностей. Постномадизм в этом концептуальном контексте оказывается ключевой темой, на примере и с помощью которой могут быть разработаны базовые когнитивные инструменты и процедуры изучения альтернативных онтологий земного пространства.

Ключевые слова: *путешествие, постномадизм, сопостранственность, пространственная антропология, постгород, метагеография, географический образ*

*Концепт путешествия:
 онтология размещения*

Путешествие — одна из ключевых онтологий человека. Его важность для любых представимых антропологий человека обусловлена тесной связью с понятиями пространства и движения. Можно сказать, что путешествие онтологически трансформирует эти понятия, способствуя формированию гибридных, смешанных, синтетических концептов, описывающих и характеризующих динамические геоимагинальные картины мира.¹

¹ См.: Gregory D. Geographical Imaginations. London, 1994.

*Замятин Дмитрий Николаевич — д.культур., г.н.с.,
 Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
 E-mail: metageogr@mail.ru*

* Статья подготовлена за счет гранта РФФИ № 14-38-00031 «Создание Лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики» (рук. Д. Н. Замятин)

Пространственность осуществляется онтологически как развертывание налагающихся друг на друга, взаимодействующих друг с другом и в результате трансформирующихся географических образов. Разворачивание, формирование любого географического образа происходит как своего рода реализация скрытой, латентной программы соположенного географического образа, т. е. всякий географический образ фактически не мыслим без другого, соседнего образа. Иначе говоря, пространство обретает «свое» время посредством собственной авторепрезентации, становящейся «константой» постоянно растущей и расширяющейся образно-географической стратиграфии; в онтологическом смысле это «геологическая библиотека».

Всякое место, понимаемое онтологически, есть уникальное событие. Процесс размещения означает в таком случае «событийствование» пространству; пространство «бытует» и «событийствует» конкретному движению. Если двигается отдельный человек или группа,

то можно говорить о сознании, постоянно размещаемом последовательностями пространственных событий. Сознание, личностное или групповое, может рассматриваться тогда как модель или образ размещения определенных событий. Иначе говоря, движение отдельного человека или человеческого сообщества может пониматься как со-бытие пространству в его непосредственном размещении. Осознание пространства как разворачивания непосредственно данной событийности есть непрерывная, непрерывающаяся результирующая движения, своего рода «дифференциальное уравнение» пространства и движения.²

Номадизм и антропология путешествий

Так или иначе, любая антропология путешествий является по сути пространственной.³ Эта пространственность характеризуется не только спецификой физического перемещения, его мотивацией и непосредственными обстоятельствами, целевыми установками,⁴ но и становлением, как правило, особой экзистенциальности, «обеспечивающей» онтологическую «надежность» состояния путешествующего. Нетрудно понять, что кочевничество, номадизм, образ жизни кочевника более всего близки к такому пониманию состояния путешествия.⁵

Однако именно здесь возникает серьезная исследовательская проблема. Имея в виду очевидную экзистенциальную и онтологическую органику кочевничества, фактически невозможно сказать, что кочевник «путешествует»: он живет, постоянно передвигаясь, этим обусловлена онтология кочевника и его картина мира, но назвать подобный образ жизни, например, «тотальным путешествием» вряд ли возможно, если только не использовать буквально классическую метафору «жизнь — это путешествие»,⁶ а также ее коннотации. Итак, номадизм сам по себе является лишь внешней условной когнитивной моделью для пространственно-антро-

пологического изучения путешествия, не отвечающей, по-видимому, одному из наиболее существенных онтологических признаков концепта путешествия — перемещению из одного мира в другой, из одного бытия в другое. Кроме того, пространство кочевания по своему определению является, как правило, онтологически статичным, генетически однородным, чаще всего бинарным по внутренней структуре,⁷ не предполагающим, по крайней мере в исходном состоянии, значительных экзистенциальных трансформаций. Даже трансконтинентальные, величайшие в истории кочевые миграции и завоевания означали прежде всего перенос традиционного образа жизни на вновь завоеванные и осваиваемые территории с последующим, не всегда обязательным, медленным земледельческим оседанием.

Проблематизация вопроса связана с наличием, как минимум, двух онтологических предпосылок. Первая из них заключается в ментальном формировании экзистенциального трансграничного перехода, сопутствующего физическому перемещению путешествующего / путешествующих. Второй предпосылкой, тесно связанной с первой, является первоначальная личностная или коллективная (групповая) установка, как в психологическом, так и в онтологическом контекстах, на трансформацию базовых жизненных смыслов в ходе передвижения / перемещения. Это обстоятельство предполагает также, что путешествующий (путешественник) уже имеет или хочет иметь или создать определенную рефлексию по поводу своего перемещения. *Иначе говоря, путешествие — это осознанное перемещение в физическом и одновременно в метафизическом пространстве, предполагающее целенаправленные и не всегда контролируемые сознанием экзистенциальные изменения онтологии путешествующего.*

Рождение путешествия: потенциальные когнитивные ситуации

Какие ситуации могут облегчить переход передвигающегося или перемещающегося

² Более подробно об этом см.: Замятин Д. Н. Пространство и движение: онтологические модели воображения // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 20–29.

³ См.: Anthropology of Space and Place: Locating Culture. Maldenand. Oxford, 2003; Low S. Towards an Anthropological Theory of Space and Place // Semiotica. 2009. 175 (1/4). P. 21–37.

⁴ См.: Замятин Д. Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география. Вып. 1. М., 2004. С. 12–40 (там же библиография вопроса); Он же. Пространство и путешествие: карта географических образов // Тр. Рус. антропол. шк. 2013. Т. 13. С. 132–152.

⁵ См.: Головин А. В. Антропология движения (Древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.

⁶ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

⁷ См.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976; Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М., 1985; Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992; Humphrey C., Sneath D. The End of Nomadism? Durham, 1999; Бекарев А. М. Современный номадизм: проблемы организации и дезорганизации // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4 (16). С. 25–29; Трубина Е. Г. Мобильность и седентаризм в социально-теоретическом дискурсе // Изв. Урал. федерал. ун-та. 2012. Сер. 3. № 2. С. 22–34.

человека (группы людей) в состоянии путешествующего? Несомненно, одной из таких когнитивных ситуаций является поиск экзотических впечатлений и переживаний, которых часто можно достичь с помощью физического перемещения, поездки в «дальние страны». Экзотика и экзотизм — важнейшие составляющие практически любого путевого описания или записок о путешествии. Чем более резок перепад впечатлений, визуальных образов между обыденным, привычным миром постоянной локализации и миром необычным, волнующим, практически неизвестным, тем в большей степени формируются экзотические пространственные / географические образы пересеканной местности. Конечно, только экзотика не может гарантировать настоящее «качественное» путешествие, поскольку она часто становится «фирменным знаком» чисто журналистского или туристского, поверхностного подхода к исследованию малоизвестных территорий. Тем не менее, сегмент экзотизма остается существенной составляющей базовой ментальной модели путешествия.

К подобного рода ситуациям можно отнести также некоторые сегменты туристической деятельности — прежде всего экстремальный, религиозный (паломнический) и культурный туризм. Хотя вопрос соотношения туризма и путешествий до сих пор остается дискуссионным⁸ (в массовой культуре словосочетание «туризм и путешествия» оказывается крайне популярным), можно сказать, что выделенные выше отрасли туризма, несомненно, способствуют увеличению возможностей перерастания туристской поездки в путешествие (в согласии с данным нами выше определением). Вместе с тем очевидно, что туризм как отрасль экономической деятельности, нацеленной на организацию массового отдыха людей с помощью их перемещения, не имеет прямого отношения к содержанию путешествия как такового, взятого в его онтологическом срезе. Другое дело, что любой турист или же человек, специально воспользовавшийся экономическими и организационными возможностями туристской индустрии (в полной мере или же частично) для разворачивания

своего личного путешествия, может в ходе самой туристической поездки сформировать свое метафизическое пространство, меняющее экзистенциальный мир человека. Травелоги, количество которых в Интернете, а также в печатных СМИ и литературных изданиях, постоянно увеличивается в геометрической прогрессии, не являются в связи с вышесказанным достаточным признаком для признания той или иной поездки путешествием, поскольку большинство таких текстов ориентировано чаще всего на «механическую» фиксацию достопримечательностей и на описание стандартного набора лингвистически «плоских» и однообразных эмоций и переживаний, не имеющих отношения к экзистенциальным трансформациям.

Путешествие и сопостранственность

Профессиональные путешественники, совершающие путешествия в рамках либо научных экспедиций, либо индивидуальных и групповых предприятий, направленных на достижение экстремальных целей (пересечение океана в одиночку, восхождение на все высочайшие вершины мира, посещение максимально труднодоступной территории или акватории и т. п.), имеют онтологическое представление об особой, уникальной ценности пространственных переживаний и впечатлений, трансформирующих ментальное пространство путешествующего,⁹ что является когнитивным основанием путешествия. Однако и здесь могут возникнуть феноменологические «помехи», «шумы», связанные чаще всего как с определенной психологической «конкуренцией» собственно научных целей, требующих известной «объективности», с накоплением и переживанием новых «субъективных» географических образов, не имеющих прямого отношения к целям и задачам экспедиции, так и с завязанностью (порою вынужденной) частных проектов экстремальных путешествий со сферой СМИ и массовой культуры, ориентированной на внешнюю яркость происходящих событий. По всей видимости, либо «чистое» путешествие принципиально невозможно (вследствие специфики его организации и проведения во всех возможных вариантах), либо следует говорить лишь о некотором минимальном «веере» возможных типов путешествий, приближающихся к его идеалу.

⁸ См.: Родман Б. Б. Искусство путешествий // Поляризованная биосфера: сб. ст. Смоленск, 2002. С. 190–198; Каганский В. Л. Путешествие в ландшафте и путешествие в культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001. Вып. 2. С. 3–18.

⁹ См., напр.: Месснер Р. Хрустальный горизонт. М., 1990. С. 166, 191, 195, 215.

Конечно, рассматривая всякое путешествие с позиций его онтологии, следует говорить о путешествии «здесь-и-сейчас», путешествии, пронизанном бытием, путешествии-в-бытии, путешествии-как-бытии. Это означает, что путешествие всегда — «всегда» — со-временно. Путешествие, совершаемое в начале XXI в., и путешествие, осуществляемое пятьсот или тысячу лет назад, — не одно и то же, однако оба они со-временны, неотделимы от «ткани» конкретного историко-географического бытия.¹⁰ В соответствии с таким онтологическим «видением», мы можем говорить также и о сопостранственности, как бы наделяющей любое путешествие специфическим образно-географическим «весом».

Ментальная и образная множественность земных пространств может быть представлена понятием «сопространственности», впервые предложенным еще немецким консервативным-романтиком Мартином Мюллером.¹¹ Это понятие было вытеснено понятием «современности» и прочно забыто. Идеологическая ситуация начала XXI в. способствует возрождению этого понятия и его потенциально активному использованию в целях выявления возможных условий когнитивного построения взаимодействующих междискурсивных и междивизиационных пространств.

Интерпретация образа сопостранственности связана с идеей о множественности и уникальности самих времен, развивающихся как бы внутри отдельных воображаемых пространств, будь то пространство западной или буддистской цивилизации, пространство междивизиационного лимитрофа, например Кавказа, или же пространство какого-либо сетевого сообщества, физическое пребывание членов которого может фиксироваться совершенно различными точками / координатами традиционного географического пространства. Отдельные времена могут не сходиться и даже расходиться, как это происходит с временами западной и исламской цивилизаций; признание подобного феномена должно быть исходным топосом для ментального или социокультурного окончания проекта модерна и также для конструирования нового идеологического проекта, ориентирующегося

не на со-временность, но на со-пространственность. Именно переплетающаяся и взаимопроникающая сопостранственность западной и исламской цивилизаций показывает всю анти-современность, не-современность или а-современность взаимодействия этих цивилизационных дискурсов, сохраняющих глубокие ментальные следы их сакрально-религиозных оснований.¹²

Любое путешествие сингулярно, поскольку оно порождает все новые и новые географические образы, формирующие уникальные пространственные конфигурации. Пространство-как-бытие движется, подвижно путешествиями, обеспечивающими его со-пространственность самому себе. Иначе говоря, путешествие в онтологическом смысле можно представить как почти «вечный двигатель», за счет работы которого наращиваются, расширяются экзистенциальные интенсивности земных пространств.

Путешествие: специфика онтологических моделей воображения

Под моделью онтологического воображения в данном случае я понимаю приблизительную схему порождения каким-либо способом (с помощью какого-либо дискурса) автономных образов или образных (образно-символических) систем, сохраняющих, трансформирующих и развивающих в себе феноменологию собственного происхождения как онтологическую «обратную связь». Другими словами, подобные схемы представляют собой предварительные эскизы бытия как образной динамики, в которой расширение любого образа фиксирует изменения онтологии его генезиса.

Если представлять процессы воображения и мышления как безусловное движение, то соответствующие пространства формируются как динамические онтологические модели. В известной степени можно говорить об онтологическом двуединстве, «сутубости» пространства и движения. Выражаясь упрощенно, условием возможности помыслить пространство является необходимость начала какого-либо движения; наряду с этим, движение выступает как онтологическая процедура опространствления, или специализации, воображения и мышления.

Эпоха модерна способствовала критическому осмыслению онтологии путешествий.

¹⁰ Более подробно об онтологическом понимании предмета и метода исторической географии см.: Замятин Д. Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // *Общественные науки и современность*. 2015. № 1. С. 148–161.

¹¹ См.: Ионин Л. Г. Социология культуры: Путь в новое тысячелетие. М., 2000.

¹² Подробнее об этом см.: Замятин Д. Н. Сопостранственность и идентичность // *Мир психологии*. 2012. № 1. С. 104–123.

Уже к 1920 гг. стала ясной экзистенциальная недостаточность традиционного, «экстенсивного» понимания путешествий, связанного во многом с «коллекционированием» впечатлений и образов. Вместе с тем достаточно быстро осознавалась необходимость создания новых онтологических моделей воображения, адекватных иному пониманию смыслов путешествия. Несмотря на то что понятие «охота» во многом оставалось ментальным наследием предыдущих эпох, оно оказалось вполне работающим, переместившись в сферу экзистенциальных интенсивностей путешествия, где означало прежде всего поисковую активность в самих интерпретациях вновь обнаруживаемых и «захватываемых» географических образов. В то же время понятия «нехватка» и «скука», характеризующие повседневную жизнь западного обывателя,¹³ становились благодатной почвой для когнитивного осмысления не только ностальгических модальностей путешествия, но и модальностей, как бы опрокидывающих глубинные установки путешествия в будущее (немного позднее, спустя примерно 40–50 лет, подобные модальности получили уже вполне традиционную приставку «пост-»).

Несмотря на то что одной из главных причин серьезных онтологических трансформаций понимания движения и путешествия до настоящего времени считается технологическая «революция» в средствах передвижения и коммуникации, следует указать: причинно-следственные связи в рамках западных ментальных моделей не могут определять интерпретации подобных изменений, по крайней мере, со времен систематической философской критики человеческих представлений Д. Юмом. Соответственно, онтологические модели воображения применительно к концепту путешествия могут рассматриваться как своего рода «ризоматические» ментальные структуры, в которых технические параметры путешествия (оптические условия, обозримость, скорость передвижения, его «легкость», возобновимость, гарантированность, регулярность и т. д.) оказываются лишь «внешними» псевдокаузальными характеристиками, сосуществующими с параллельными глубинными трансформациями самих пространств путешествия, их совершенно иного бытия. Пере-движение означает буквально, что само движение сместилось в картине (картинах) мира, а в этих

условных «картинах мира» (само-изменяющихся) видимы уже какие-то другие движения, пред-полагающие иные пространства, которые, тем не менее, не являются их следствиями.

Постномадизм: к экзистенциальному опыту сопостранственности

Со-пространственность, понятая и осмысленная как со-временность, составляет онтологию путешествия как постномадизма. Пост-номадизм, в нашей интерпретации, — онтологический поворот в понимании путешествия и путешественности. Если в феноменологическом плане эпохи постмодерна и глобализации уже предполагают рассмотрение концептов «другого путешествия», «другого туризма», «другого пространства», то в онтологическом срезе они как бы заранее «нацелены» на инновационность архаики, на своего рода «нео-номадизм»,¹⁴ появляющийся как очевидный и «простой» ответ на кризис классического модерна и технологические «прорывы» XX в.¹⁵

По-видимому, следует различать понятия нео-номадизма и постномадизма. Повышенная мобильность достаточно крупных страт человеческих сообществ в эпоху глобализации и постмодерна, осуществляемая преимущественно в целях туризма, отдыха и бизнеса и связанная с технологическими новшествами, обеспечивающими ускорение передвижений и коммуникаций, обозначается как нео-номадизм.¹⁶ Характерно, что эти изменения в подвижности ассоциируются также и с идеологическими трансформациями посттрадиционных сообществ. Несмотря на то что приставка нео- в известной степени позволяет объяснить большинство различий значения нового туризма с традиционным пониманием номадизма, столь обширная семиотическая и содержательная экспансия корневого понятия номадизма кажется чрезмерной. С нашей точки зрения, речь идет о принципиальном онтологическом разрыве, в рамках которого происходящие фундаментальные изменения в подвижности человеческих сообществ практически не связаны с онтологией и феноменологией традиционных кочевых сообществ.

¹⁴ См.: D'Andrea A. Neo-Nomadism: A Theory of Post-Identitarian Mobility in the Global Age // *Mobilities*. 2006. Vol. 1, № 1. P. 95–119; Головнёв А. В. Кочевье, путешествие и нео-номадизм // *Урал. ист. вестн.* 2014. № 4 (45). С. 121–126.

¹⁵ См. также: Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. М., 2010.

¹⁶ West R. Teaching Nomadism: Inter/Cultural Studies in the Context of Translation Studies // *Critical Studies, Cultural Studies: Interdisciplinarity and Translation*. New York, 2002. P. 161–176; D'Andrea A. Op. cit. P. 95–119.

¹³ См.: Агамбен Дж. Открытое: Человек и животное. М., 2012.

Когнитивная ситуация с понятием постномадизма также оказывается достаточно сложной. С одной стороны, это понятие трактуется достаточно узко, как совокупность всеобъемлющих антропологических трансформаций, происходящих в связи с распадом традиционных кочевых сообществ, будь то в Монголии, Судане или в Арктике.¹⁷ С другой стороны, понятие постномадизма можно трактовать довольно широко, понимая под ним кардинальные онтологические и феноменологические трансформации в подвижности постмодерных человеческих сообществ, включая также и путешествия.¹⁸ Здесь возможна та же критика, что и в отношении понятия нео-номадизма, однако концепт постномадизма, на наш взгляд, более системно вписывается в контекст понятий пост-модерна и глобализации и сопутствующих им семантических коннотаций.

Наконец, можно «обособить» понятие постномадизма, привязав его именно к когнитивно существенной области онтологических и феноменологических изменений, происходящих с пониманием сути путешествий как важного элемента человеческой экзистенции. Здесь опять-таки возможны возражения в контексте уже указанных нами выше серьезных онтологических различий между понятиями номадизма, кочевого образа жизни и путешествия, не позволяющих сильно сближать их содержательно только на основе внешнего сходства, связанного с постоянной мобильностью. Вместе с тем приставка пост- (как и мета-) уже за-

ключает в себе возможность онтологических трансформаций, в чем видится ее преимущество по сравнению с более статичной онтологически, скорее просто экстраполяционной, приставкой нео-. Кроме того, возможен и обратный когнитивный ход, заключающийся в том, что путешествие в принципиально иных онтологических условиях развития человеческих сообществ может, так или иначе, оказаться ядерным типом человеческой подвижности.

Нам представляется, что именно этот третий вариант пока является в когнитивном отношении оптимальным. Что же касается общего понятия, наиболее полно выражающего онтологические изменения человеческой подвижности в эпоху постмодерна, то, по всей видимости, тут стоит продолжать поиск как в сторону переосмысления традиционных понятий (с помощью различных приставок и суффиксов), так и в сторону поиска неологизмов, например в духе Велимира Хлебникова, что может быть удачным ходом.

Путешествие сквозь призму постномадизма

Между тем этимология русского слова «путешествие» облегчает его онтологическую трактовку, как бы возвращая его обновленной пространственности бытия — со-пространственности, интерпретируемой как непосредственная сакральность самой пространственности. Если первобытные и архаические группы, а в известной мере, и большинство традиционных обществ имеют дело с практически тотальной сакрализацией пространства в различных религиозных изводах,¹⁹ то посттрадиционные общества, о которых можно говорить в настоящее время (благодаря, в частности, Интернету и социальным сетям, но отнюдь не поэтому), осмысливают пространство как онтологического «бога»,²⁰ имманентность которого уже присутствует как органическая сакральность, проявляющаяся путешествиями и путешественностью.²¹

Суть всякого экзистенциального пространства заключается в формировании взаимосвязанных образов, позволяющих создавать долговременные и устойчивые жизненные стратегии — личные или групповые. Наряду с

¹⁷ См.: Khazanov A. Nomads of the Eurasian Steppes in Historical Perspective // Nomadic Pathways in Social Evolution. Lac-Beurport, 2015. P. 31; Dinero S. C. Globalization and Development in a Post-Nomadic Hunter-Gatherer Village: The Case of Arctic Village, Alaska // The Northern Review. №25/26. P. 135–160; Михалев А. В. Повседневность экономического национализма, или Кому принадлежит золото Монголии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т 17. № 5 (76). С. 177–191.

¹⁸ См.: Cresswell T. Imagining the nomad: mobility and the postmodern primitive // Space and Social Theory: Geographical Interpretations of Post-Modernity. Oxford, 1997. P. 360–382; Flusser V. Thinking about Nomadism // The Freedom of the Migrant. Objections to Nationalism. 2003. P. 38–54; Caluweit R. Post-modern Nomadism and the Beginnings of Global Village // Flusser Studies 07 November 2008. URL: <http://www.flusserstudies.net/sites/www.flusserstudies.net/files/media/attachments/kaluweit-postmodern-nomadism.pdf> (дата обращения: 22.12.2015); Mazierska E., Rascaro L. Crossing New Europe: Postmodern Travel and the European Road Movie. London; New York, 2006; Секацкий А. К. Книга номада // Секацкий А. К. Три шага в сторону. М., 2000. С. 228–276; Шляков А. В. Номадизм постмодерна: классификация моделей номадности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 4 (54): в 2 ч. Ч. 1. С. 204–207.

¹⁹ См.: Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М., 1987; Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996.

²⁰ Ср.: Вентури Р., Браун Д. С., Айзенур С. Уроки Лас-Вегаса. М., 2015. С. 171.

²¹ Ср.: Kaplan C. Questions of Travel: Postmodern Discourses of Displacement. Durham; London, 1996.

этим, экзистенциальное пространство способствует расширению образных возможностей какой-либо личности, социокультурной группы или сообщества. В самом понятии и образе экзистенциального пространства заложен потенциал саморазвития: в ходе такого саморазвития экзистенциальное пространство может структурироваться, самоорганизоваться с помощью своего рода «реперных точек» — образных локусов, часть которых, несомненно, может носить сакральный характер.²²

Путешествие, осознаваемое сквозь призму постномадизма, может рассматриваться как экзистенциальный опыт сопостранственности, отождествляющий себя онтологически с расширяющейся, движущейся, трансформирующейся посттрадиционной сакральностью, за пределами традиционного религиозного опыта. Вне сомнения, в таком развернутом определении можно найти сходство с магическим, мифологическим и метафизическим опытом путешествий, мыслимых в традиционных религиях авраамического круга (но не только) как восхождение к откровению и видению Бога/Божественного. Однако мы помним, что именно авраамические религии оказались в то же время полем ментального отождествления Бога и пространства (Бог — везде) и, соответственно, метафизического «нагнетания» темпоральности. В онтологическом смысле понятие постномадизма является попыткой «обратного хода», «обратной феноменологической перспективой» (используя аналогически понятие «обратной перспективы» о. Павла Флоренского), в рамках которой понятия Бога и Божественного оказываются как бы в зазоре пространственности, движимой своими расширяющимися в путешествии географическими образами; откровение божественного сменяется сокровением сопостранственности как динамики самого путешествия.

Постномадизм и геоспациализм: онтологический контекст

Итак, постномадизм — это стремление вообразить и осмыслить путешествие как тотальную экзистенцию пространственности, понятой онтологически как сопостранственность. Естественно, что это понятие достаточно близко к понятию «геоспациализма», введенному

нами несколько ранее и предполагающему прежде всего пересмотр роли и значения пространственных образов и дискурсов в жизни посттрадиционных обществ.²³

В широком смысле под геоспациализмом понимается идеологический, цивилизационный, культурный переход к пространственным формам воспроизводства основных видов человеческой деятельности, причем и человеческое мышление само по себе начинает переходить к специфическим образам пространства, репрезентирующим и интерпретирующим внешне очевидные процессы развития культур и цивилизаций.²⁴ Начало этого перехода можно проследить, по крайней мере, с эпохи Возрождения; решительный же поворот к разворачиванию основных форм и выражений геоспациализма можно отнести примерно к 1900–1930-м гг., когда резко активизировавшиеся процессы политическо-географической и политико-идеологической дифференциации сочетались с концептуальными «взрывами» в науке, искусстве, литературе, философии, в ходе которых проблематика пространства и его интерпретации выходит на первый план. В рамках геоспациализма как методологического подхода предполагается, что онтологические статусы пространственности и ее образных репрезентаций являются неотъемлемой частью любой общественной или социокультурной феноменологии; иными словами, определенное видение и ощущение пространства локализуются в ментальном плане как «пучок» социокультурных образов, представляемых как «реальность».

Постномадизм можно интерпретировать как составную часть геоспациализма — как в феноменологическом отношении, так и в социологическом. Наряду с этим, данное явление следует трактовать и как вполне автономный ментальный комплекс, характерный для эпохи постмодерна и обнажающий, возможно, его базовые интенции — онтологическую «тягу» к некоей первородной и глубинной пространственности, сохраняющей и развивающей некоторые архаические образно-архетипические черты.

²² См.: Замятин Д. Н. Феномен паломничества: географические образы и экзистенциальное пространство // Человек. 2009. № 4. С. 58–70.

²³ См.: Замятин Д. Н. Геоспациализм: онтологическая динамика пространственных образов // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 3–12.

²⁴ Ср. по аналогии вполне марксистский подход к проблематике воспроизводства пространства: Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford, 1991.

Заключение: к альтернативным онтологиям земного пространства

Таким образом, постномадизм оказывается для нас и онтологическим «симптомом», и феноменологической «лакмусовой бумажкой» для идентификации актуального проблемного поля исследования пространственностей на стыке двух ключевых групп дискурсивных дисциплин — постгеографий (или, в более привычном ракурсе, метагеографий) и (новых) пространственных антропологий. Если постгеографии ориентированы скорее на поиск «горизонтальных» срезов ментальных состояний, связанных с предельными опытами пространственности, то пространственные антропологии, в нашем понимании, направлены на пионерное изучение «вертикальных» аспектов антропности, непосредственно связанной с переживанием и осмыслением пространственности. Постгеографии имеют дело, как правило, с образно-географическим структурированием новых пространственных реальностей, абстрагируясь при этом от специфики достижения и от поддержания связанных с этим ментальных состояний (преимущественно «экстравертный»

подход). Пространственные же антропологии заинтересованы, на наш взгляд, прежде всего в концептуализации и интерпретации различных человеческих (индивидуальных, личностных, групповых, общественных) состояний, связанных с формированием и репрезентацией необычных, нетрадиционных, фронтирных географических образов (преимущественно «интровертный» подход). Вместе с тем реальность исследования постпространственной событийности свидетельствует чаще всего об эффективности трансдисциплинарных, междисциплинарных подходов, не «заключенных» на каком-либо узком дисциплинарном происхождении. Постгеографии и пространственные антропологии — это, в нашем понимании, скорее плотный дискурсивный «идеологический» сгусток, параметризующий принципиально новые подходы к исследованиям пространственностей / сопостранственностей. Постномадизм в этом концептуальном контексте оказывается ключевой темой, «оселком», на примере и с помощью которого могут быть разработаны базовые когнитивные инструменты и процедуры изучения альтернативных онтологий земного пространства.

Dmitry N. Zamyatin

Doctor of Culturology, National Research University «Higher School of Economics» (Russia, Moscow).

E-mail: metageogr@mail.ru

POSTNOMADISM: SPATIAL ANTHROPOLOGIES OF TRAVEL

The article studies spatial anthropologies of travel evolution processes based on ontological imagination models. The concept of postnomadism and its interpretation with regard to the ontological travel theme are analyzed. The author studies existential aspects of travel space in the context of specifics of movement and nomadism. The specifics of the travel concept understanding within the spatial anthropology and meta-geography (post-geography) is identified. Travel transforms the ontological meaning of concepts of space and movement contributing to the evolution of mixed, hybrid, synthetic concepts describing and characterizing the dynamic geo-imaginative pictures of the world. Travel viewed through the prism of postnomadism may be understood as an existential co-spatiality experience. Postnomadism is an aspiration to imagine and comprehend a journey as a complete spatiality existence ontologically understood as *co* spatiality. Postnomadism proves to be an ontological “symptom” and a phenomenological “litmus paper” for identification of actual problem field for spatiality study at the interface of the two key groups of discourse disciplines — post-geographies (or in at a more familiar angle, meta-geographies) and (new) spatial anthropologies. Spatial anthropologies in our understanding are focused on pioneer studies of “vertical” aspects of anthropology directly related with experiencing and understanding of spatiality. Post-geographies deal as a rule with the imaginative-geographical structuring of new spatial realities. Postnomadism in this conceptual context proves to be a key topic on the example and with the help of which basic cognitive tools and procedures for the study of alternative ontologies of earth space can be developed.

Keywords: *travel, postnomadism, soprostranstvennost, spatial anthropology, metageography, geographical image*

REFERENCES

- Adorno T. *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. Moscow: Nauchnyy mir Publ., 2003. 274 p. (in Russ.).
- Agamben Dzh. *Otkrytoe: Chelovek i zhitovnoe* [Open: Person and animal]. Moscow: RGGU Publ., 2012. 112 p. (in Russ.).
- Andrianov B. V. *Neosedloe naselenie mira* [Not settled population of the world]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 280 p. (in Russ.).
- Bekarev A. M. *Sovremennyy nomadizm: problemy organizatsii i dezorganizatsii* [Modern nomadizm: problems of the organization and disorganization]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Seriya: Sotsialnye nauki, 2009, no. 4 (16), pp. 25–29. (in Russ.).
- Caluweit R. *Post-modern Nomadism and the Beginnings of Global Village*. Flusser Studies 07 November 2008. URL: <http://www.flusserstudies.net/sites/www.flusserstudies.net/files/media/attachments/kailuweit-postmodern-nomadism.pdf> (accessed 22.12.2015).
- Cosgrove D. E. *Social Formation and Symbolic Landscape*. London: Croom Helm Publ., 1984. 293 p. (in English).
- Cresswell T. *Imagining the nomad: mobility and the postmodern primitive. Space and Social Theory: Geographical Interpretations of Post-Modernity*. Oxford: Blackwell Publ., 1997, pp. 360–382. (in English).
- Critical Studies, Cultural Studies: Interdisciplinarity and Translation*. New York: Rodopi Publ., 2002, pp. 161–176. (in English).
- D'Andrea A. *Neo-Nomadism: A Theory of Post-Identitarian Mobility in the Global Age*. Mobilities, 2006, vol. 1, no. 1, pp. 95–119 (in English).
- Dzheymys P., Martin Dzh. *Vse vozmozhnye miry* [All possible worlds]. Moscow: Progress Publ., 1988. 672 p. (in Russ.).
- Flusser V. *Thinking about Nomadism. The Freedom of the Migrant. Objections to Nationalism*. University of Illinois Press, 2003, pp. 38-54 (in English).
- Gettner A. *Geografiya. Yee istoriya, sushchnost i metody* [Geography. Her history, essence and methods]. Leningrad; Moscow: Gos. izd-vo Publ., 1930. 416 p. (in Russ.).
- Golovnev A.V. *Antropologiya dvizheniya (Drevnosti Severnoy Yevrazii)* [Anthropology of movement (Antiquities of North Eurasia)]. Ekaterinburg: UrO RAS, Volot Publ., 2009. 496 p. (in Russ.).
- Golovnev A.V. *Kocheve, puteshestvie i neo-nomadizm* [Migration, travel and neo-nomadizm]. Uralskiy istoricheskiy vestnik, 2014, no. 4 (45), pp. 121–126. (in Russ.).
- Gregory D. *Geographical Imaginations*. London: Wiley-Blackwell Publ., 1994. 456 p. (in English).
- Harvey D. *The condition of postmodernity*. London: Basil Blackwell Publ., 1989. 378 p. (in English).
- Humphrey C., Sneath D. *The End of Nomadism?* Durham: The White Horse Press Publ., 1999. 355 p. (in English).
- Kaganskiy V. L. *Puteshestvie v landshafte i puteshestvie v kulture* [Travel in a landscape and travel in culture]. Kultura v sovremennom mire: opyt, problemy, resheniya. 2001, no. 2, pp. 3–18. (in Russ.).
- Kaplan C. *Questions of Travel: Postmodern Discourses of Displacement*. Durham; London: Duke University Press Publ., 1996. 238 p. (in English).
- Khazanov A. *Nomads of the Eurasian Steppes in Historical Perspective. Nomadic Pathways in Social Evolution*. Lac-Beuport, 2015, p. 31 (in English).
- Kradin N. N. *Kochevye obshchestva* [Nomadic societies]. Vladivostok: Dalnauka Publ., 1992. 239 p. (in Russ.).
- Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors which we live]. Moscow: URSS Publ., 2004. 256 p. (in Russ.).
- Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell Publ., 1991. 454 p. (in English).
- Low S. *Towards an Anthropological Theory of Space and Place*. Semiotica, 2009, no. 175 (1/4), p. 21–37. (in English).
- Markov G. Ye. *Kochevniki Azii. Struktura khozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [Nomads of Asia. Structure of economy and public organization]. Moscow: Mosc. gos. Uni. Publ., 1976. 320 p. (in Russ.).
- Mazierska E., Rascaro L. *Crossing New Europe: Postmodern Travel and the European Road Movie*. London; New York: Wallflowers Press Publ., 2006. 245 p. (in English).
- Messner R. *Khrystalnyy gorizont* [Crystal horizon]. Moscow: Planeta Publ., 1990. 175 p. (in Russ.).

Mikhalev A. V. *Povsednevnost ekonomicheskogo natsionalizma, ili Komu prinadlezhit zoloto Mongolii* [Daily occurrence of economic nationalism or Who possesses gold of Mongolia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2014, vol. 17, no. 5 (76), pp. 177–191 (in Russ.).

Rodoman B. B. *Iskusstvo puteshestviy* [Art of travel]. *Polyarizovannaya biosfera: Sb. Statey* [The polarized biosphere: Collection of articles]. Smolensk: Oykumena Publ., 2002, pp. 190–198 (in Russ.).

Sekatskiy A. K. *Kniga nomada* [Book of a nomad]. *Tri shaga v storonu* [Three steps aside]. Moscow: Amfora Publ., 2000, pp. 228–276 (in Russ.).

Shlyakov A. V. *Nomadizm postmoderna: klassifikatsiya modeley nomadnosti* [Nomadizm of a postmodern: classification of models of a nomadnost]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice*. Tambov: Gramota Publ., 2015, no. 4 (54), vol. 1, pp. 204–207. (in Russ.).

Soja E. W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of space in critical social theory*. New York: Verso Publ., 1989. 266 p. (in English).

The Anthropology of Space and Place: Locating Culture. Malden; Oxford: Wiley-Blackwell Publ., 2003, 432 p. (in English).

The Case of Arctic Village, Alaska. *The Northern Review*, 2005, no. 25/26, pp. 135–160. (in English).

Trubina Ye. G. *Mobilnost i sedentarizm v sotsialno-teoreticheskom diskurse* [Mobility and sedentarizm in a social and theoretical discourse]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*, 2012, no. 2, pp. 22–34. (in Russ.).

Venturi R., Braun D. S., Ayzenuer S. *Uroki Las-Vegasa* [Lessons of Las Vegas]. Moscow: StrelkaPress Publ., 2015. 212 p. (in Russ.).

Zamyatin D. N. *Fenomen palomnichestva: geograficheskie obrazy i ekzistentsialnoe prostranstvo* [Pilgrimage phenomenon: geographical images and existential space]. *Chelovek*, 2009, no. 4, pp. 58–70 (in Russ.).

Zamyatin D. N. *Prostranstvo i puteshestvie: karta geograficheskikh obrazov* [Space and travel: card of geographical images]. *Trudy Russkoy antropologicheskoy shkoly*, 2013, vol. 13, pp. 132–152. (in Russ.).

Zamyatin D. N. *Soprostranstvennost i identichnost* [Soprostranstvennost and identity]. *Mir psikhologii*, 2012, no. 1, pp. 104–123. (in Russ.).

Zamyatin D. N. *V poiskakh udalyayushchikhsya prostranstvu: istoricheskaya geografiya i ontologicheskie modeli voobrazheniya* [In search of the removed spaces: historical geography and ontologic models of imagination]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2015, no. 1, pp. 148–161. (in Russ.).

Zamyatin D. N. *Geograficheskie obrazy puteshestviy* [Geographical images of travel]. *Gumanitarnaya geografiya*, 2004, no. 1, pp. 12–40 (in Russ.).

Zamyatin D. N. *Geospatsializm: ontologicheskaya dinamika prostranstvennykh obrazov* [Geospatsializm: ontologic dynamics of spatial images]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012, no. 2, pp. 3–12 (in Russ.).

Zamyatin D. N. *Metodologicheskii analiz khorologicheskoy kontseptsii v geografii*. [Methodological analysis of the chronological concepts in geography]. *Izvestiya RAS. Seriya geograficheskaya*, 1999, no. 5, pp. 7–16. (in Russ.).

Zamyatin D. N. *Postgeografiya. Kapital(izm) geograficheskikh obrazov* [Post-geography. Capital (-ism) of geographical images]. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya Publ., 2014. 592 p. (in Russ.).

Zamyatin D. N. *Prostranstvo i dvizhenie: ontologicheskie modeli voobrazheniya* [Space and movement: ontologic models of imagination]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, no. 4, pp. 20–29. (in Russ.).